

УДК 811.111-112:81'371

**ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ
КОНЦЕПТЫ ВИКТОРИАНСТВА:
СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО
И.С. Шевченко (Харьков, Украина)**

И.С. Шевченко. Дискурсообразующие концепты викторианства: СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО. В статье рассматриваются дискурсообразующие этические концепты викторианского дискурса СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО, соответствующие моральным приоритетам эпохи. Структура этического концепта имеет двухмерное лингвокультурное и социодинамическое представление. При стабильности понятийного слоя концепта социодинамический аспект обуславливает изменение оценочной и образной составляющих концепта СКРОМНОСТЬ и появление концепта ХАНЖЕСТВО.

Ключевые слова: викторианский дискурс, викторианская этика, дискурсообразующие концепты, лингвокультурный концепт, социодинамическая двойственность.

Шевченко І.С. Дискурсотвірні концепти вікторіанства: СКРОМНІСТЬ vs ХАНЖЕСТВО. У статті розглядаються дискурсотвірні етичні концепти вікторіанського дискурсу СКРОМНІСТЬ і ХАНЖЕСТВО, що відповідають моральним пріоритетам епохи. Структура етичного концепту має двомірне лінгвокультурне й соціодинамічне представлення. За умови стабільності понятийного шару концепта соціодинамічний аспект зумовлює зміни оцінної та образної складових концепта СКРОМНІСТЬ і появу концепта ХАНЖЕСТВО.

Ключові слова: вікторіанський дискурс, вікторіанська етика, дискурсотвірні концепти, лінгвокультурний концепт, соціодинамічна подвійність.

I. Shevchenko. Discourse-forming concepts of Victorian period: MODESTY vs PRUDERY. This article considers specific Victorian discourse-forming ethic concepts MODESTY and PRUDERY. The structure of the ethic concept has two-dimensional linguocultural and sociodynamic character. The conceptual aspect being stable, a sociodynamic change in evaluative and image-bearing aspects of of the concepts MODESTY results in the appearance of PRUDERY.

Key words: discourse forming concepts, linguocultural concept, sociodynamic duality, Victorian discourse, Victorian ethics.

1. Вводные замечания. Современная английская культура покоится на наследии викторианской этики. XIX в. создал особую культуру, моральные ценности которой характеризуются неоднозначно и порой диаметрально противоположно, причем двойственная оценка заложена в самой эпохе, где превалируют эти моральные ценности. Воплощаясь в дискурсе, доминирующие ценности во многом определяют, структурируют дискурс, выступая его дискурсообразующими концептами. **Актуальность** исследуемой проблемы обусловлена, с одной стороны, возрождением интереса к викторианству в наши дни (так, в 1983 г. М. Тэтчер провозгласила викторианские ценности важнейшими ценностями человечества, на которые должно ориентироваться современное британское общество). С другой стороны, актуальность анализа определяется тем, что он выполнен в современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики и отвечает требованиям разработки лингвокультурного подхода в когнитивистике и дискурсологии.

Начиная с 1987 года, когда Англия отмечала 150-летие восшествия на престол королевы Виктории, когда было переиздано много работ английских авторов XIX в., не исчезает интерес к наследию королевы Виктории и ее времени. Обращаясь к викторианскому опыту, британцы стремятся сопоставить его с сегодняшней жизнью, переосмысливают его ценности и идеалы, важнейшие из которых – система викторианских моральных ценностей, ведущие концепты которой избраны **объектом** нашего анализа. **Предметом** рассмотрения служат ведущие концепты викторианской этики, генерирующие викторианский дискурс.

Цель статьи – определение характеристик этических концептов, лежащих в основе бытийного дискурса викторианской эпохи – MODESTY / СКРОМНОСТЬ и PRUDERY / ХАНЖЕСТВО, исходя из гипотезы о том, что лингвокультурные концепты способны выступать в роли организующих, продуцирующих дискурсы определенных типов и трансформировать ценностный (оценочный) и образный слои при сохранении понятийного слоя концепта с изменением ментальности лингвокультурной общности.

Дискурс – система когнитивных и коммуникативных составляющих, где первые преимущественно определяют его содержание, а вторые – его форму, структуру, стратегии. Период их изолированного анализа в лингвистике закончился с оформлением в последние годы когнитивной прагматики, которая «сфокусирована на ментальных операциях, связанных с передаваемыми в дискурсивных ситуациях смыслами: в ее предмете акцентировано порождение и толкование смыслов как ментальных / мыслительных феноменов в речевой деятельности субъектов» [Шевченко, Сусов, Безуглая 2008: 7]. Такой подход позволяет ставить и комплексно решать вопрос о дискурсе во взаимосвязи его когнитивных и коммуникативных характеристик, в частности, говорить об определяющей роли базовых концептов для коммуникативных параметров дискурса. Для любой системы, включая дискурс, это соответствует идее системообразующих (в отличие от системоприсвоенных и системо-

нейтральных) средств по В.М. Солнцеву [Солнцев 1971: 47]. Такими системообразующими элементами дискурса выступают дискурсообразующие концепты.

В последние десятилетия бурное развитие когнитивной лингвистики привело к оформлению двух общепризнанных подходов к трактовке концепта – лингвокогнитивного и лингвокультурного. При всей дискуссионности ряда понятий когнитивной лингвистики эти подходы едины тем, что концепт – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти» [Кубрякова 1996: 90], либо «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2002: 7].

В рамках лингвокультурологии выделяются базовые для того или иного типа дискурса концепты, которые определяют его важнейшие характеристики и сами задаются ними. «Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман 2001: 41]. Как отмечает В.И. Карасик, различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира, а объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа [Карасик 2002: 133].

Каждому типу дискурса присущи специфические концепты, которые В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин называют «генеративными» (центральными для данного дискурса, лежащими в основе развертывания его смыслов и норм) [ККС 2009: 78], Е.И. Шейгал – «дискурсо-образующими» [Шейгал 2002: 24]. Е.М. Верещагин [1996] описывает «концепт-код» (ключевой концепт) советской культуры **ОЧЕРЕДЬ**, а Е.В. Горина – «дискурсообразующие» концепты американского электорального дискурса **НАРОД**, **ВЛАСТЬ**, **ПРЕЗИДЕНТ**, **СВОБОДА**, **ДЕМОКРАТИЯ**, **ТЕРРОРИЗМ**, **ВОЙНА** [Горина 2008: 132]. Викторианский дискурс формирует дискурсообразующие концепты **MODESTY / СКРОМНОСТЬ** и **PRUDERY / ХАНЖЕСТВО**.

2. Принципы викторианской этики и дискурс. В центре внимания нашей работы – лингвокультурные концепты викторианства. Викторианский бытийный дискурс, представленный в художественной литературе, который мы понимаем как мыслекоммуникативный феномен, процесс и результат речевой деятельности британских коммуникантов среднего и высшего классов, соответствующий этосу и ментальности викторианской лингвокультуры.

Дискурс как система взаимодействия определенной лингвокультурной общности зависит от социальных, культурных (ценностных, этических, эстетических) компонентов этой общности, от этоса – конкретного стиля взаимодействия в социуме, обобщенного типа речевой интеракции. При этом обобщенная модель дискурса – речевой интеракции эпохи – схематически

определяется как производная от культуры и социума через языковую личность, лингвокультурную общность и этос, а от него – к дискурсу [Шевченко 1998: 128]. Тем самым роль культуры для бытийного дискурса, как и дискурса иных типов, трудно переоценить.

Викторианская культура сформировала собственные моральные ценности справедливости, свободы, направленные против эксплуатации, стяжательства, цинизма, о чем свидетельствуют произведения Ч. Диккенса и др. Культурные ценности викторианства не были однородны на протяжении своего века. Так, в области религии викторианская мораль оказалась поколебленной после выхода из печати труда Ч. Дарвина о происхождении видов (в 1859 году).

Викторианские ценности среднего класса и аристократии существенно различались. С ростом индустриального общества появление новых ценностей, как, например, индивидуализма, сформировало идею *self-made man* – человека, обязанного всем самому себе [Bailey 2008: 200], которая быстро стала доминирующей для среднего класса. Влияние среднего класса росло, он усвоил ценности прогресса, либеральной политики, конкуренции, честности, порядочности, благотворительности, семьи, материализма, собственного достоинства, почтения к традициям. Жесткое соревнование стало нормой жизни не только в бизнесе; победитель высоко ценился, если мог «*keep up with the Joneses*» [там же: 200–202]. Таким образом, викторианская эра заложила фундамент для современных экономик массового потребления западного мира.

Напротив, 300 семейств правящего класса – британской элиты – провозглашали традиционные ценности наследственности, происхождения и непрерывности рода, веря в свое предназначение править. У элиты сформировалось патерналистское представление об обществе, в котором она играла роль отца семейства, обязанного заботиться об обществе [там же: 154]; её главным девизом стало «*Noblesse oblige*». По мере изменения викторианских ценностей элита начала постепенно признавать средний класс вплоть до возможности браков между представителями разных классов, о чем пишет Ш. Бронте и др. Однако важнейшей в викторианской культуре была викторианская мораль – квинтэссенция моральных убеждений общества периода правления королевы Виктории и расцвета Британской империи (1837 – 1901).

Викторианская мораль – набор ценностей, проповедующих строгий социальный код поведения, осуждение сексуальной распущенности, преступности. Среди ведущих концептов викторианской этики – *MODESTY* / СКРОМНОСТЬ (с точки зрения общехристианских ценностей СКРОМНОСТЬ, подобно СДЕРЖАННОСТИ, СМИРЕНИЮ, и КРОТОСТИ, является элементом одной из важнейших христианских добродетелей – СДЕРЖАННОСТИ). Ведущая роль скромности в этике задана самим определением этой дисциплины как «практической философии; науки о морали (нравственности)» [Гуссейнов 2001: 573–581], как философского исследования сущности, целей и причин морали и нравственности, проблемы критериев добра и зла и т.п.

Основной целью этики Аристотель называл счастье – деятельность души в полноте добродетели, то есть самореализацию человека – его разумные поступки, которые избегают крайностей и держатся золотой середины. Поэтому основная добродетель – это умеренность и благоразумие.

Доминирование моральных ценностей в бытийном дискурсе викторианского периода отражается в особой роли разговорных максим вежливости с преобладанием стратегий позитивной вежливости; в появлении и расцвете особой разновидности бытийного дискурса – т.н. светской болтовни (small talk) как одного из ярких проявлений метакоммуникативного дискурса [Шевченко 1998; Морозова 2004] (в терминологии В.В. Дементьева – непрямо́й коммуникации [Дементьев 2006: 275]). Такая дискурсивная практика предписывалась нормами вежливого поведения для лиц среднего / высшего классов и полностью соответствовала идеалам скромности, сдержанности, порядочности XIX века.

3. Лингвокультурный концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ. Лингвокультурный концепт, по определению В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина, – это многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны, причем для лингвокультурологии релевантны лишь те концепты, которые «характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни» [ККС 2009: 26–27]. С одной стороны, поскольку ценности входят в определение сущности этики, все концепты этики характеризуются неразрывностью их понятийной и ценностной составляющих. С другой стороны, нормы этики приобретают свою ценность, лишь будучи признанными обществом в целом, а не только отдельным индивидом. Поэтому концепты этики – социокультурные регулятивы, которые непосредственно связаны с ментальностью и культурой определенного общества в определенный период его развития, а *изменение культуры и ментальности вызывает трансформации не столько в понятийной составляющей концепта (являющейся фактором его стабильности, узнаваемости в различных дискурсах), сколько его ценностной и образной составляющих*. В качестве примера достаточно обратиться к различным оценкам, которые превалируют в концептах ДОБРО, ГРЕХ и под. в дискурсах разных лингвокультурных обществ.

Социокультурный концепт-регулятив MODESTY / СКРОМНОСТЬ имеет целью сдерживание людских страстей. MODESTY / СКРОМНОСТЬ предполагает соответствие внешности человека – его одежды, разговора, его поведения – и внутреннему смирению, которое предписано христианину. Во внутреннем мире человека MODESTY / СКРОМНОСТЬ выражается через соблюдение этики, стремление к самосовершенствованию, толерантность к другим.

Внешняя MODESTY / СКРОМНОСТЬ, как правило, превалирует над ее другими проявлениями. Например, христианская мораль исходит из того, что

человек живет среди «падшей» природы, поэтому должен быть одетым; а исходя из трактовки тела как священного дара разрешает отдавать его другой особе только в браке.

В соответствии с требованиями христианской морали, для викторианского среднего и высшего классов приличными (decent) считались женщины, «adorned themselves with modesty and sobriety, not with plaited hair, or gold, or pearls, or costly attire, But as it becometh women professing godliness, with good works» [I Timothy 2: 9–10]. Стандарты MODESTY / СКРОМНОСТИ задаются викторианской культурой и обществом и, в свою очередь, служат мерилom оценивания членов этого общества. В общении как форме социального взаимодействия скромность выражается через смирение, застенчивость, простоту. СКРОМНОСТЬ (сдержанность) включает:

- преуменьшение своих достижений (смирение);
- поведение или намерение избежать неуместности или непристойности;
- отказ от неискреннего самоунижения, фиктивной скромности, которая является формой хвастовства.

Эти характеристики концепта MODESTY / СКРОМНОСТЬ восходят к его историческому слою и прослеживаются в этимологии соответствующей лексемы *modesty* (n), которая приходит в английский язык в 1530-х гг. из латыни (*modestia* «moderation» от *modestus* «moderate, keeping measure, sober» от *modus* «measure, manner») через среднефранцузское *modestie* и обозначает «freedom from exaggeration, self-control» [OED]. Производное прилагательное фиксируется словарями с 1560-х гг. в значении «having moderate self-regard» от латинского *modestus* «keeping due measure», а применительно к женщине – с 1590-х гг. как «not improper or lewd» и о ее одежде – с 1610-х гг.

В новоанглийском языке лексема *modesty* (n) [FOD] имеет основные значения:

1. «The state or quality of being modest».
2. «Reserve or propriety in speech, dress, or behavior».
3. «Lack of pretentiousness; simplicity».

Эти значения детализированы во множестве синонимов, которые свидетельствуют о высокой номинативной плотности концепта MODESTY / СКРОМНОСТЬ:

(1) *reserve, decency, humility, shyness, propriety, reticence, timidity, diffidence, quietness, coyness, self-effacement, meekness, lack of pretension, bashfulness, humbleness, unpretentiousness, demureness, unobtrusiveness, discreetness* (например, *His modesty does him credit*);

(2) *plainness, simplicity, ordinariness, unpretentiousness, inexpensiveness* (например, *The modesty of the town itself comes as a surprise*);

(3) *decorum, virtue, decency, delicacy, propriety, sobriety, coyness, demureness, decorousness, seemliness, chasteness* (например, *There were shrieks as the girls tried to protect their modesty*).

Для сравнения: толковый словарь В.И. Даля определяет СКРОМНЫЙ как «умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный в отношении себя; не выпячивающий свою личность вперед; приличный, тихий в обращении» (например, *Скромный человек сам своих заслуг не оценивает. Скромная просьба, умеренная, в пределах обычая, и дельная. Скромная жизнь, тихая, незатейливая, домашняя, нероскошная. Скромная наружность обманчива. Скромная улыбка, кроткая. У нее какая-то нескромная походка, с размашкой. Скромнее было бы не требовать, а просить. Трезов скромен, а во хмелю буйан. Это собака скромная, никого не укусит*) [Даль].

Описанные выше основные значения имени концепта СКРОМНОСТЬ *modesty* находят отражение в формировании дискурсов с выраженной позитивной (1, 2) или нейтральной (3) оценочностью:

(1) *...I stood with the key in my hand, exchanging a few words of special farewell with some half-dozen of my best scholars as decent, respectable, modest, and well-informed young women as could be found in the ranks of the British peasantry* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

(2) *...and you were so discreet, and so thoroughly modest and sensible, I hoped you might be trusted to protect yourself.* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

(3) *...I thought Moor House as complete a model of bright modest snugness within, as it was, at this season, a specimen of wintry waste and desert dreariness without* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

По определению Ю.С. Степанова, в картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, «культурные доминанты», совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Такие смыслы служат константами культуры [1997]. Культурные доминанты – это наиболее важные для данной лингвокультуры концепты. Приведенные данные свидетельствуют, что концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ – одна из культурных доминант викторианства.

4. Лингвокультурный концепт PRUDERY / ХАНЖЕСТВО. Историки называют викторианскую эру периодом противоречий, основанных на жесткой классовой системе: с одной стороны, соблюдение внешних приличий и достоинства, а с другой, широкое распространение проституции, тяжелого детского труда. Само понятие викторианской морали двойственно, ибо содержит в себе как позитивную, так и негативную коннотацию, поскольку набор строгих моральных установок (принципы скромности) нередко лицемерно использовались (проявления ханжества). Не удивительно, что концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ выступает в дискурсе и в своей второй ипостаси – как ханжество, причем прямые номинации ХАНЖЕСТВА – *prudery* в викторианском дискурсе не обнаружены; в XIX в. они присутствуют в подтексте и эксплицитно проявляются лишь в XX веке.

В своей понятийной составляющей концепты MODESTY / СКРОМНОСТЬ и PRUDERY / ХАНЖЕСТВО содержат общий для них этический принцип скромности (*be modest*), но оценка во втором случае негативна [FOD], что

обуславливает их разную ценность и разные образы, стоящие за ними. Так, прихоти моды порой выходят за пределы общественных стандартов скромности. Однако викторианская мораль диктовала строгие каноны в одежде: наименьшее выставление тела. Это кожи, волос, нижнего белья и особенно интимных зон тела. Стандарты не только призывают к покрытию частей тела, но и к тому, чтобы их формы были скрыты одеждой.

В изобразительном искусстве викторианская скромность проявилась в фиговых листочках, а в литературе – в эвфемизации и табу на описание человеческих эмоций, связанных со сферой физиологии.

Викторианское ханжество доходило до того, что считалось неприличным слово *leg* – нога в смешанной компании; вместо него использовался эвфемизм *limb* – конечность. Мебель, например, столы, были покрыты скатертями таким образом, что ноги были скрыты полностью; купание на морском пляже было возможным лишь в особой кабинке (*bathing machine*) и т.п. [Gay 2000]. Устное или письменное выражение эмоций, сексуальных ощущений формально было под запретом и нередко заменялось так называемым языком цветов.

Любопытен перечень контрольных вопросов для особ женского пола, которыми они должны были руководствоваться при выборе одежды (для мужчин, по мысли моралиста XIX века, выбор скромной одежды не представлял сложности):

- «Станьте прямо и спросите себя: Покрывает ли одежда верхнюю часть моих ног? – приличный ли вырез? Есть ли зазоры, не морщится ли платье над грудной областью, указывая возвышение? Если лиф имеет кнопки, не будет ли моя грудь видна со стороны? Не просвечивает ли ткань?»

- Сделайте несколько шагов и спросите себя: Если есть разрез, не обнажает ли он слишком много при ходьбе? Достаточно ли свободна одежда, чтобы ходить удобно?

- Сядьте и спросите себя: Мои ноги все еще закрыты? Все ли прилично, когда я скрещиваю или распрямляю ноги? Удобно ли мне сидеть?

- Наклонитесь в талии, как будто бы вы выбираете цветок. Спросите себя: не слишком ли сильно вырез открывает грудь? Прилично ли я выгляжу сзади? Могу ли наклониться удобно?

- Протяните руки над головой, как будто бы вы тянетесь к чему-нибудь на высокой полке. Спросите себя: Не выставлены мой живот или ноги? Удобно ли мне доставать что-либо?

- Посмотрите не себя в зеркале целиком. Спросите себя: Если бы я увидела подобным образом одетую женщину, что бы я сказала о ней, судя по ее одежде? Достаточно ли она скромна? Не нарушает ли она принципов красоты?» [www/modesty/Modesty.mht].

Сказанное свидетельствует, что трактовка лингвокультурного концепта – социокультурного регулятива как единства образно-перцептивной, понятийной и ценностной сторон нуждается в уточнении и добавлении как минимум составляющей, которая позволяет объяснить обнаруженную социально-

культурную изменчивость концепта. Такая структура концепта может быть представлена в виде двухмерной модели, учитывающей не только когнитивно-аксиологическое измерение (понятийная, образная, ценностная составляющие) но и социо-динамическое (этимологический, базовый, ассоциативно-расширительный уровни) [Филиппова 2007; Карасик 2007: 217]. Применение такого моделирования позволяет увидеть, что с учетом социо-динамической составляющей дискурсивное функционирование концептов этики, соответствующих ведущим моральным ценностям, приводит уже в конце XIX века к формированию двух взаимосвязанных дискурсообразующих концептов СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО.

Противоположные оценочные компоненты СКРОМНОСТИ и ХАНЖЕСТВА прослеживаются в словарях и энциклопедиях. Так, в отличие от исключительно позитивных коннотаций *modest* – *скромный* лексема *prude* имеет значения *скромница*, а также негативные *ханжа*, *жеманница*. Этимологический слой концепта PRUDE / СКРОМНИЦА восходит к старофранцузскому *prude femme* в значении «honourable woman, prudefemme» («wise or good woman»), что в мужском роде соответствует *prud'homme* («wise man»). Во французский язык эта лексема приходит через Vulgar Latin *prōdis* из Late Latin *prōde*, "advantageous," производного от глагола *prōdesse*, "to be good." Исторически *prude* имело позитивные коннотации, связывалось (в обозначении мужчины) с «usefulness, profit, wisdom, integrity», однако уже во французском языке лексема приобретает выраженный негативный оттенок, вместе с которым и заимствуется в английский язык в 1704. Современная лексема *prude*, как правило, употребляется как упрек [Online Etymology Dictionary], причем это характерно для дискурса последних лет викторианского периода, в то время как дискурс первых десятилетий XIX века содержит *prude* и производные преимущественно с позитивной / нейтральной оценкой, как в следующем обращении м-ра Рочестера к Джейн Эйр:

I wish to remind you that it was you who first said to me, with that discretion I respect in you—with that foresight, prudence, and humility which befit your responsible and dependent position—that in case I married Miss Ingram, both you and little Adèle had better trot forthwith (Ch. Bronte, Jane Eyre)

Образный слой концептов СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО также существенно различается. По данным Wikipedia, *a prude* – жеманница – особа, которая заботится о внешних приличиях (*decorum, propriety*) гораздо более, чем того требуют преобладающие общественные стандарты. Такая номинация предлагает чрезмерную скромность, и используется в качестве оскорбления теми, кто не разделяет моральных стандартов жеманства. *A prude* – жеманным называют человека, чье поведение и суждения относительно секса, алкоголя, вопросов веры отличается повышенной, часто фальшивой, нетерпимостью, притворной стыдливостью [FOD]. Например:

Thin-lipped wisdom spoke at her from the worn chair, hinted at prudence, quoted from that book of cowardice whose author apes the name of common

sense. She did not listen. She was free in her prison of passion. (O. Wilde. The Picture)

LORD ILLINGWORTH. What is of importance to-day, as yesterday, is still our son. I am extremely fond of him, as you know, and odd though it may seem to you, I admired his conduct last night immensely. He took up the cudgels for that pretty prude with wonderful promptitude. He is just what I should have liked a son of mine to be. Except that no son of mine should ever take the side of the Puritans: that is always an error. Now, what I propose is this. (O. Wilde. A Woman of No Importance)

Тем самым формируются дискурсы (дискурсивные фрагменты) с выраженной негативной оценочностью, ироничностью и т.п. Аналогичную негативную окраску лексемы *скромность* для русского языка констатирует В.И. Даль: *Скромность* противостоит *Скромнику*, *-нице*: «Скромничать, быть сознательно, намеренно скромным, и нередко для виду» (Например, *Он при людях скромничает, а себя помнит. Она скромничала, поскромничала, ничего не сказала нам. Скромничая, она не стала было петь, поколе в упрас не упростили. Скромность добра, а скромничание не годится*) [Даль].

5. Выводы. Лингвокультурный концепт этики, каким является *MODESTY / СКРОМНОСТЬ*, представляет собой единство понятийного, ценностного и образного слоев и характеризуется внутренней неразрывностью двух первых. Изменение ценностной и образной составляющих концептов этики по мере исторического развития дискурса обуславливает необходимость двухмерного представления таких концептов: в лингвокультурном и социодинамическом аспектах.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии дискурсообразующих концептов викторианского бытийного дискурса – *MODESTY / СКРОМНОСТЬ* и *PRUDERY / ХАНЖЕСТВО*. Будучи социокультурными концептами-регулятивами, они имеют общую понятийную составляющую, но противоположные ценностные / оценочные образные составляющие. Двойственность оценки ведущего этического концепта *СКРОМНОСТЬ* заложена в самом определении моральных приоритетов викторианства, причем полярность оценки углубляется со временем: если в дискурсе начала правления королевы Виктории преобладает позитивная оценка *MODESTY / СКРОМНОСТИ*, то современное общество все чаще негативно воспринимает доминанты викторианской морали как фальшивые и лицемерные – *PRUDE / ХАНЖЕСКИЕ*. Последнее обусловлено различным пониманием морального принципа скромности с изменением менталитета и исторически проявляется в дискурсах с преобладанием позитивной или негативной оценочности в различные эпохи.

Рассмотрение дискурсообразующих концептов **перспективно** продолжить для других исторических эпох и языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М. Из лингвострановедческой археологии / Е.М. Верещагин // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 15–26.
2. Гусейнов А.А. Этика: Энциклопедический словарь / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 573–581.
3. Горина Е.В. Когнитивно-коммуникативные характеристики американского электорального дискурса республиканцев: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Горина Елена Владимировна. – Харьков, 2008. – 240 с.
4. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
5. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.Г. Зусман. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 38–53.
6. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология: учебное пособие / Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
9. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
10. Морозова И.И. Коммуникативные стратегии вежливости в стереотипном речевом поведении викторианской женщины: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Морозова Ирина Игоревна. – Харьков, 2004. – 205 с.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
13. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук / М.А. Филиппова. – Волгоград, 2007. – 22 с.
14. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: монография / И.С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
15. Шевченко И.С. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / Шевченко И.С., Сусов И.П., Безуглая Л.Р. // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – № 811. – Харків, 2008. – С. 3–7.

16. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. научн. конф «Коммуникация – 2002». / Е.И. Шейгал. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 24–26.
17. Bayley S. Victorian Values: An Introduction / S. Bayley. – Montreal: Dawson College, 2008. – 340 p.
18. Gay P. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud / P. Gay. – London: Sage, 2000. – 305 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание : ок. 1500 ил. / В.И. Даль. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 349, [3]с.: ил.
- FOD – The Free Online Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia. – Режим доступа: [www.TheFreeOnline Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia.htm](http://www.TheFreeOnlineDictionary.com)
- Modesty. – Режим доступа: [www\modesty\Modesty.mht](http://www.modesty.com)
- OED – Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: [www.modesty\Online Etymology Dictionary.mht](http://www.modesty.com)

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Bronte Ch. Jane Eyre / Bronte Ch. – London: Penguin Books, 1994. – 447 p.
- Wilde O. A Woman of No Importance / Wilde O. // Plays. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – P. 91–168.
- Wilde O. The Picture of Dorian Gray / Wilde O. – Режим доступа: [www.projectgutenberg\Wilde.mht](http://www.projectgutenberg.org/Wilde.mht)

Шевченко Ирина Семеновна, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com